

55 лет спустя

Общая тема. — 2000.
— 4-17 мая. — с. 6

В ЧЕТВЕРГ ПОУТРУ С ПЕТРОМ ТОДОРОВСКИМ

В жизни Петра Тодоровского вначале была война. Затем мир. И только потом — мир кино. Но все, что рассказывает, показывает или снимает этот человек, так или иначе связано с войной. Киноматограф Тодоровского — это не масштабные батальные сцены или лихие патристические боевики. Ему всегда был интересен человек на войне и проявление его обычных чувств в необычных,

Был месяц май

НАША 47-я армия участвовала в штурме Берлина. Мы брали правительственный аэродром. Брали тяжело. И вдруг утром, после круглосуточных боев, наступила тишина. Нам просто не верилось. Весенний, тихий, солнечный день. Мы сбросили свои военные сапоги с портянками. Как сейчас помню — лежал рядом со мной в траве Серега Иванов и храпел. Когда он проснулся, я ему тихо сообщил, что у него на большом пальце ноги сидит бабочка. Это было 8 мая.

А на следующий день приехал командир. Он забрался на полутурку и сказал: «Друзья, война кончилась». И заплакал — у него погибла вся семья.

Где-то далеко играла гармошка и ржали лошади. Трава была зеленой, а небо голубым. Что еще нужно человеку...

Потом я написал сценарий «Оглушенные тишиной». Но Марлен Хуциев сумел раньше снять «Был месяц май».

Я попал в его картину так. Приехал на «Мосфильм» посмотреть, что он делает. А он попросил меня надеть форму и ордена, помнил, что я три года во ВГИКе ходил в мундире. Марлен еще скитился, сказал, мы, мол, тебя снимем на память, детям твоим. А через десять дней пришла телеграмма. Сообщалось, что я утверждён на роль старшего лейтенанта Яковенко. К тому времени снял несколько картин, но тут надо было появиться на съемочной площадке в ином качестве. Привык только на третий день. Нет, это даже не требуемое ощущение публичного одиночества актера. Я вдруг вновь ощутил себя в той тишине, что оглушила меня в мае сорок пятого.

Пытка хлебозаводом

Я ЗАКАНЧИВАЛ Саратовское военно-пехотное училище в 43-м году. Это было тяжелое время. Саратов бомбили, нам приходилось гасить зажигалки. Дольствие было такое — утром капуста тушенная, днем — суп из капусты, на второе — капуста пареная, а уж вечером можно было жрать и отварную. При таком питании в ботиночках-обмоточках на морозе по 8—10 часов. Но однажды мне повезло — я поехал с буфетчицей в город на хлебозавод. Когда машина въехала на территорию, от запаха я впал в полубессознательное состояние. Но самое страшное другое — буфетчица подавала мне по две буханки и каждую осматривала со всех сторон. Всю дорогу я сидел на столе и шарил, где бы пупырышек отколупнуть, потому что знал — приедем, и она снова будет каждую буханку осматривать.

Однажды мне сестра прислала 600 рублей. Я без улыбки радостно рванул на Сенной рынок, купил маленькую буханку, мюратово-сыроватую, за 450 рублей. Я решил — сейчас половину съем, а половину оставлю на вечер. Пока дошел до ворот, буханки уже не было. А тут еще нарвался на патруль и сел на гауптвахту.

Короче, мы так голодали, что, когда я попал на фронт и мне выдали буханку хлеба и пачку папирос, — это было какое-то чудо.

В то же время умение терпеть голод, возможно, спасло меня от гибели. Я остался жив благодаря совершенно удивительному обстоятельству. В училище было 3 тысячи курсантов. И вот один взвод на пятом месяце учебы послали пить дрова на остров. Нам выдали сухой паек на месяц. Мы его, конечно, съели за 10 дней. Как мы там прожили, не представляю! Но когда вернулись в училище, то не застали ни одного человека. Всех по тревоге отправили на Курскую дугу. Это был конец июня, а 5 июля началась та самая Курская битва, на которую наш взвод не попал. Получилось, что на фронте я оказался не через 6, а через 11 месяцев учебы, летом 1944-го. Это было за Ковелем, почти на границе с Польшей...

Первый день на передовой

ЭТО БЫЛ странный день. Мы, три младших лейтенанта, были направлены на передовую. Но где она, эта передовая, понять было невозможно. Шел сильный артобстрел, вокруг валились снаряды. Нас затащили в какой-то подвал, где сидел командир полка. Серезе Иванову оставили при штабе. Юре Никитину сказали, что он получит взвод пэтэзров. А со мной поступили совсем по-простому: «Видишь насыпь? За ней створежь вагоны. Там где-то должен быть командир батальона. Надо его найти и выяснить обстановку».

И я пошел. Вокруг врвцасы

снаряды, осколки с диким звуком падают на вагоны. Как я нашел комбата, до сих пор не пойму. Он сидел в какой-то яме со связистом. Дело было к вечеру. Комбат мне говорит: бери связиста, иди туда вперед, где захлебнулась атака, и найди лейтенанта Палиева, скажи, чтобы собрал всех, кто в живых, и начал рыть оборону. Уже стемнело. Связист тянул катушку, я шел за ним, пригибаясь от каждого выстрела, от каждой ракеты. Наконец, связист приподнял плащ-палатку, и мы оказались в длинном окопе, где я увидел дикую для меня картину. В окопе сидели двое и играли в карты. Это были лейтенант Палиев и младший сержант Пого-релкин. Я сказал, что комбат приказал немедленно собрать всех живых и начать рыть оборону, но Палиев продолжает играть. Еще я запомнил, что Пого-релкин курил самокрутку, следящую из кулпур в 30 рублей. Она горела плохо, и он ее сосал, как сигару. Потом Палиев глянул на меня, а я был в мокрой гимнастерке, и говорит: «Сержант, помоги ему найти шинель». Мы подошли к окопу, где во весь рост стоял усатый человек в каске и смотрел прямо перед собой. Я с ужасом обнаружил, что он был мертв — снаряд взорвался сзади, и осколок влетел ему в затылок. Мы вдвоем довольно долго вытаскивали этого огромного мужика, потом с трудом разогнули ему руки и через голову стащили шинель. Я ее надел, подрезал рукава, низ

людей. Так что у каждого своя война.

Живой кинооператор

ЭТО БЫЛО на Одере. Нам надо было выбить немцев с плацдарма в воду. Помню, как командир полка бил командира дивизии по спине и требовал взять какую-то деревню. На восьмой день немцы оставили берег, и мы подошли к воде. Неожиданно рядом с нами остановился грузовичок, откуда выскочил военный с автоматом, достал из-под плащ-накидки камеру и стал снимать проходящих мимо солдат. Так я впервые увидел живого кинооператора. И подумал, какая замечательная профессия, как здорово, что он сейчас снимает лица, события, и потом, спустя много лет, можно будет увидеть все это на экране. Я тогда загадал, что если останусь жив, то постараюсь стать оператором. Это был такой серьезный толчок. Я в 48-м году во ВГИК поступил. Не поступил, получил две тройки. Потом работал на заводе. Фотоаппаратом снимал с плеча. А в 49-м году поступил на операторский к Борису Израилевичу Волчку. У нас на курсе родились замечательные операторы. Валдим Юсов, Ионас Грицус, Герман Лавров, который снимал с Михаилом Роммом «Обыкновенный фашизм» и «Девять дней одного года».

Оператор — страшно интересная работа. Помню, как я снимал «Жадлу» по сценарию

стойкий партизек и всякий раз спрашивался.

Когда уже во ВГИКЕ узнал, что Мишу Калика посадили за анекдот, вот тогда стал впервые задумываться. Я очень дружил с болгарским режиссером Радевым. Он приехал в Москву в полном восторге. И на моих глазах он как бы выпускал пар, сталкиваясь с советской реальностью. Мне кажется, его разочарование повлияло на меня больше всего. Еще — «Дело врачей».

Когда мы снимали в Загорске диплом «Повесть о детской игрушке», то жили прямо на фабрике, спали на столах. Однажды утром в комнату вошел комендант и стал сдирать со стены портрет Берии. Это было для нас шоком.

Конечно, прозрение пришло, но осталось на всю жизнь другое: я бы никогда не смог жить в другой стране, это точно. Я корнями врос в эту жизнь, в этот способ существования. Больше недели за границей не выдерживаю. Там для меня все не так, все плохо. Может, потому, что все так хорошо организовано?

Расстрел за любовь

КО МНЕ НА ВИСЛЕ, уже осенью 44-го года, прибыло пополнение. Шел мелкий дождь, два солдата держали надо мной плащ-накидку. У меня был список новобранцев человек на двенадцать. Из них четыре по фамилии Шило. Отец и три сына. Один из сыновей женился комвально перед тем, как идти на фронт. Он был безумно влюблен,

Военно-полевой портрет Петра Ефимовича Тодоровского

Оглушенные тишиной

счистил сзади кровь. В этой шинели я довозил до Вислы. Потом командир дивизии меня в ней увидел и спросил: «Это пленный или это наш лейтенант?»

Дальше много чего было. Но эта первая ночь на войне запомнилась на всю жизнь.

В блиндаже смеялась женщина

МЫ СТОЯЛИ на той стороне Вислы, готовились к наступлению. Кухня приезжала раз в сутки, примерно в час ночи. И мы с переднего края шли в эту ложину за едой. Проходили мимо блиндажа и слышали, как смеется женщина и играет патефон. Мы были влюблены в этот смех и в эту женщину. А видел я ее всего один раз.

Нас привели на одно озеро тренироваться, как мы будем форсировать Вислу, хотя была зима. И она проскакала раз в сутки на лошади. Я заметил, что она блондинка. Всё.

И представьте себе, в 50-м году я, первокурсник ВГИКа, зимой иду мимо ЦУМа и слышу этот смех. Оборачиваюсь — у стены стоит женщина в телогрейке, в ватных брюках, в валенках. Курит папиросу и громко, призывно выкрикивает: покупайте пирожки. Рядом на яшике — крохотная девочка, заматанная в платок. В этой женщине я узнал ту самую фронтую королеву, недостижимую для нас.

Я даже не заговорил с ней. Мне просто нечего было ей напомнить, она меня не знала. Когда я пришел к ЦУМу снова, то ее больше не встретил. Но сюжет «Военно-полевого романа» уже во мне жил. Выдумана эта история или нет? Не знаю, но мне говорят, что это один из лучших моих фильмов. Хотя я и сегодня не уверен до конца, что это была Она.

На войне было много страшного, грязного, но я почему-то видел и запоминал другое. Сережа Иванов, которого я недавно похоронил и с которым был в училище, он помнил каждую минуту — где мы были, что делали, как учились, какая была погода. А у меня в памяти просто вспышки, связанные почему-то именно с женщинами. У нас на переднем крае появились девушки-снайперши. Придет на целый день, стоит в укрытии и выжидает, чтобы немец выскочил. Но попасть во врага ей было трудно, потому что толпа наших парней собиралась вокруг нее. Какие там немцы!

Еще помню, как вши заедали. Была мечта выкупаться и проспать несколько часов в чистой постели. Может, поэтому в «Военно-полевом романе» есть сцена — фронтная баня. Во многих фильмах о войне солдаты дружно поднимаются в атаку, а нам приходилось прикладом автоматов поднимать

Гриши Поженяна, режиссером был Женя Ташков. Я должен был найти изобразительные решения этой истории. Представьте, немцы несутся на машинах к водонапорной станции, в которую пробрались наши разведчики, чтобы дать воду осажденной Одессе. Надо было с нижней точки так снять, чтобы показать, какая громада неслась уничтожать героев. Чтобы получить нижнюю точку, к грузовику двумя канатами привязали кусок жести, на который я лег, ассистент приподнял меня, чтобы я на весу держал камеру. Если бы оборвался канат... Я тогда не задумывался о том, что могу погибнуть. В этом фильме очень много снималось свободной камерой. Кстати, меня отстранили от съемок — кому-то из руководства не понравилось то, что я снимал. Это сейчас «Жадлу» называют как учебное пособие...

А вот о режиссуре я не думал. Все началось с того, что мне предложили быть оператором и сорежиссером в фильме «Никогда». Там, кстати, Женя Евстигнеев впервые снялся в главной роли. Интересная история — как мы его на эту роль утверждали. Мы, два молодых, начинающих режиссера, зашли к киевскому киношному начальству с идеей снять в роли директора завода лысого, длинноногого, комического человека. Естественно, нам стали навязывать другого актёра — красивого, правильно. В Киеве как-то не очень понимали, почему Евстигнеев в Москве уже так знаменит. А он играл в «Современнике», был страшно занят. И начался целый эпизод. Наш администратор не давал отступного его опекал. Утром он привозил Женю на релетионг. Потом — домой. Вечером — на спектакль, после которого Женю везли во Внуково, сажали в самолет — и в Одессу. Всю ночь съемки, потом обратно в Москву. Так 8 дней. Когда проявили материал, оказалось — все брак. Пришлось все повторять с другой камерой, с другой пленкой, и так далее. Вот такой режиссерский дебют.

Я был советским человеком

НЕ ХОЧУ лукавить, советской системе удалось вдохнуть в наше поколение веру, чувство патриотизма, ощущение жизни в чудесной стране. Я жил в маленьком городке под Кировоградом. Каждое лето мы ездили на каникулах на уборку урожая, и я был страшно доволен всем, что делал. На операторском факультете я был секретарем парторганизации, собирал взносы. Исправно платил только ректор. Он каждый месяц отдавал 20 рублей — по тем временам большие деньги. Как только я их получал, на меня набрасывалась свора однокурсников — занять до стипендии. Потом была проблема — долги собрать и отнести взносы в сберкасса. Но я был

на каком-то аэродроме, где даже была горячая вода. И вдруг нас подняли по тревоге, затолкали в вагоны и отправили под Кострому. Командиром батареи у меня был капитан Новиков, умница, замечательный мужик. Он получил тяжелое ранение, и в госпитале сестра, чтобы облегчить страдания, стала давать ему наркотики, а когда они закончились, капитан стал пить, превратился в алкоголика. Мы это узнали, когда оказались с ним в одном вагоне. Представьте, сутки едем, другие — командира не слышно. И вдруг с верхней полки пенне. Он затянул «Мурку». Оказывается, ординарец снабдил его ликером на всю дорогу. Нашей задачей стало укрыть командира от вышестоящего начальства, с чем мы успешно справились. Другое дело, что сам капитан уже не мог справиться со своей личной бедой.

Война доставала людей и после войны. Под Костромой мы попали в какой-то разваленный лагерь, где раньше готовили по сути пудовое мясо для фронта. Неделю жили в снегу, восстанавливали земельники. Командир нашего полка Герой Советского Союза Винокуров привез с войны молодую красавицу жену. Это для меня стало исходным материалом для картины «Анкор, еще анкор!». А все остальное я додумал. Хотя нет, есть еще одна реальная вещь — это исчезновение людей с легкой руки «особистов». Такое могут вспомнить многие фронтовики. Вообще с похужестью фильма на жизнь забавно получилось. Была перемена в кинотеатре «Россия». Мы выступили, начался фильм. Мы выступили, начался фильм, а съемочная группа пошла в кабинет директора. Сидим, выпиваем, вдруг через полтора часа врывается какой-то полковник с криком: «Кто режиссер этого кино?» Я не без опаски признался. Тогда он говорит: «Я в таких городках жил — на Дальнем Востоке, в Сибири, под Москвой. Короче, что у нас в жизни, то у тебя на экране. Спасибо!»

Мы полковнику налили. Но жизнь бывает невероятнее кино. Был у нас помощником командира батальона Пигучев, замечательный и удивительно счастливый человек. Замечательный был потому, что всюду возил с собой скрипку. Когда мы уходили во второй эшелон, он играл нам Сен-Санса. А счастье у него было вот какое. Однажды пуля влетела ему в ушанку, вывернула всю вату и застряла. Он так в этой шапке и ходил, пока не попал на глаза командиру полка. Второй раз пуля попала ему в брюха ремня, сделала вмятину и улела убивать кого-то другого. А однажды во время боев на Висле он бежал в атаку в распахнутой шинели. Автоматные очереди пробили обе полы, а ему хоть бы что! Вот оно счастье.

Когда мы расставались, уже под Костромой, он написал мне на своей фотографии: «Тодоровскому Пете на память о пережитых страхах».

Если честно, то у меня есть сценарий «На память о пережитых страхах». Но я его так никому и не показывал.

По главной улице с гитарой

В ФИЛЬМЕ «По главной улице с оркестром» Олег Борисов рассказывает мою историю. В конце войны у меня был ординарец, который однажды сказал: «Товарищ лейтенант, вы вот все время что-то насвистываете, а я тут гармошку вам нашел». Я и принесит мне аккордеон. А я около двух месяцев был комендантом маленького городка на Эльбе. И вот с утра до вечера учились играть. Первое, что выучил правой рукой, — «На позиции левого сына». А потом левой нашел басы, стал сводить. В Обществе, когда мы приехали в Россию, я уже считался гармонистом номер один. После просмотра армейской самодеятельности командир полка написал письмо директору Московской консерватории: «Прошу принять лейтенанта Тодоровского на композиторский факультет». Дал мне командировку. Приезжаю в Москву, захожу в консерваторию, топая в сапогах по паркету. Мимо снуют мальчики и девочки с флейтами, скрипками. Я покрутился, покрутился и уехал. Когда вернулся, командир сказал, что передумал.

Но играю, как видите, музыку пишу — это часть моей жизни.

С Сереей Никитиным мы подружились на даче у Зиновия

Подготовил Юрий СОЛОМОНОВ